

УДК 821.161.1-31(Славникова О. А.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-8,44

Е. А. Полева
Томск, Россия

ЧЕЛОВЕК ИЛЛЮЗИЙ И НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: К ПРОБЛЕМАТИКЕ ПОВЕСТИ О. А. СЛАВНИКОВОЙ «БЕССМЕРТНЫЙ»

Аннотация. В статье анализируется проблематика повести О. Славниковой «Бессмертный». Через изображение типичной российской семьи, выживающей в постсоветское время за счёт «потребления» пенсии парализованного ветерана войны, вскрывается моральный облик человека общества потребления: подчиняясь прагматике существования (достичь благополучия, достатка, социального положения), массовый человек оказывается во власти иллюзий, теряет экзистенциальные цели жизни, этические ориентиры. Стремление выжить, занять место под солнцем провоцирует аморальное потребление, прикрытое мнимыми благими намерениями. Присвоенное право потреблять, использовать другого для достижения своих целей рождает иллюзию собственной значимости; на деле же в обществе потребления все оказываются жертвами, так как все взаимно паразитируют друг на друге. На этом фоне настоящим человеком оказывается не герой (в привычном для соцреалистической парадигмы понимании), а субъект, не желающий оставаться в мнимом бытии, стремящийся к самовольному выходу из неподлинного существования.

Ключевые слова: современная русская литература, Славникова, реальность, сознание, иллюзии, Россия, потребление.

E. A. Poleva
Tomsk, Russia

A PERSON OF ILLUSION AND A PERSON OF REALITY IN THE CONSUMER SOCIETY: ABOUT THE PROBLEMATICS OF THE NOVELLA BY O. A. SLAVNIKOVA «IMMORTAL» [BESSMERTNIY]

Abstract. The article analyses the problematics of the novella by O. Slavnikova «Immortal». On the example of a typical Russian family surviving during the Post-Soviet time at the expense of the 'consumption' of the pension of a paralysed World War II veteran, the morals of a person in a consumer society is shown. The person submits to the pragmatics of existence (to get well-being, prosperity, and social status), an ordinary person gets in the power of illusions, loses the existential purpose of life and ethical reference points. The desire to survive, to get a place under the sun provokes the immoral consumption covered with imaginary good intentions. The appropriated right to consume and to exploit another person for one's own purposes gives rise to illusion of one's own importance. But in reality in the consumer society all become victims because all mutually parasitize on each other. In this circumstances the actual human is not a hero (in usual sense of social realistic paradigm), but a character who does not want to stay in the imaginary life and who wants to self-willingly get out of unreal existence.

Keywords: modern Russian literature, Slavnikova, reality, consciousness, illusion, Russia, consumption.

Творчество Ольги Александровны Славниковой (род. 1957) критики устойчиво связывают с модернизмом [Бавильский 2001, Беляков 2006: 187–194]. С другой стороны, в её прозе обнаруживают «сатиру на общество потребления», в сюжетной логике произведений — доказательства, «что реальность существует», демифологизацию, изображение «момента встречи с реальностью» [Кучерская 2005: 155–158]. Отсюда возникают специфические определения эстетики её произведений: «голографический», «фиктивный» реализм [Липневич 2001: 166–169, Бархудаев, Крючко 2011: 175–189]. В качестве центральных в её прозе выделяют темы смерти, судьбы, «подлинности — мнимости», «подмены живого неживым (мертвым или косным)» [Ремизова 2006: 168–174, Беляков 2006: 187–194], которые являются аспектами проблемы соотношения эмпирической реальности — персональных и социокультурных иллюзий в сознании человека.

Фабула «Бессмертного» (2001) — жизнь семьи ветерана Великой отечественной войны Алексея Афанасьевича Харитонов в период, захватывающий время Великой отечественной войны до второй половины 1990-х годов. Советское прошлое членов семьи дано ретроспективно, основные сюжетные линии повести связаны с обстоятельствами и судьбой персонажей в

постперестроечной России, «в новом времени, наставшем вдруг...» [Славникова 2008: 12].

Согласимся с Д. Бавильским, что для Славниковой «сюжет имеет сугубо вспомогательное значение», «более существенная задача: описать ... изменения состояний сознания» [Бавильский 2001]. Тем не менее, для Славниковой именно «бытие определяет сознание»: возникающие иллюзии и мифы обусловлены взаимоотношениями человека с реальностью, они — реакции на социально-исторические и частные события. Поэтому значимо, что семья Харитоновых застревает именно во временах брежневского застоя 1970-х годов, характеризующихся возникновением общества потребления, расцветом массовой культуры, трансформацией прежних советских ценностей: коллективизм, труд, патриотизм были заменены идеалами индивидуализма, достатка, комфорта, лёгкой наживы, желанием персонального благополучия.

Завязкой в сюжете повести является паралич Алексея Афанасьевича, существенно изменивший жизнь семьи: из субъекта-защитника Харитонов превратился в объект заботы, вызванной не столько любовью и благодарностью, сколько желанием семьи воспользоваться долгожительством ветерана, приносящим стабильный доход (пенсию). Алексей Афанасьевич, реализуя семантику фамилии (Хари-

тон — от греческого «chariton» — осыпаящий милостями, щедрый), до болезни обеспечивал семье комфортное существование, а после паралича также оказался необходимым жене и падчерице для выживания: «...семья Харитоновых, не получившая никаких подарков на детском празднике капитализма, существовала главным образом на ветеранскую пенсию» [Славникова 2008: 12].

Ради продления жизни старика падчерица Марина придумала создать в комнате парализованного иллюзию продления эпохи брежневского «застоя»: «Это была идея Марины, чтобы Алексей Афанасьевич не знал о переменах во внешнем мире и пребывал все в том же времени, в каком его свалил негданый инсульт» [Славникова 2008: 25]. Прикрываясь благородной целью уберечь отчима, Марина реализовала прагматичные цели сохранения его жизни: «“Мама, сердце!” — убеждала Марина, немедленно смекнувшая, что это лежачее тело ... *потребляет много меньше, чем дает*» (курсив мой — Е. П.) [Славникова 2008: 25].

В фабуле выживания семьи обнаруживается важный для О. Славниковой вопрос: этична ли цивилизация, построенная на поддержании физиологического существования другого ради собственной выгоды? Локальная семейная ситуация проецируется в повести на широкий исторический фон, в котором представлено множество вариантов создания иллюзорного мира политиками, целителями-шарлатанами, иллюзионистами, мошенниками типа Мавроди, тележурналистами. Все они, озвучивая как цели своей деятельности благополучие общества, долгожительство и «бессмертие» людей, создавали социальные иллюзии, истинный смысл которых — собственная нажива и (или) самореализация.

Современная цивилизация в романе О. Славниковой, существуя в процессе глобального потребления, предстаёт как неспособная к любому производству, даже мифов, а потому она вынуждена потреблять мифы советской эпохи. В центре повествования — миф о герое войны, который на разных этапах советско-российской истории по-разному эксплуатировался. Славниковское понимание отношения этого мифа к реальности определяется описанием деятельности Харитонova-разведчика. Цели войны, какими бы высокими они не были (защита Родины, отстаивание права на свободу и т.д.), на деле сводятся к выживанию («...Алексей Афанасьевич не согласился выпустить нитку собственного существования и поэтому выжил» [Славникова 2008: 248]) ценой жизни другого: «Самая удачливая снасть Алексея Афанасьевича — петля из крепкой шелковой веревки, <...> — ни разу не дала промашки, и сам разведчик, зажимая горстью теплое, как каша, мычание фашиста, явственно чувствовал момент, когда из тела ... выходит душа» [Славникова 2008: 7].

Физиологическое описание убийства снижает традиционно высокий пафос в осмыслении освободительной войны: реально поступки солдат обусловлены жаждой сохранения собственной жизни. Война как долгая пограничная ситуация (постоянной угрозы существованию) даёт, по мнению Славниковой, понимание ценности жизни как таковой, но не выводит

к экзистенциальной значимости индивидуального существования. При этом во вторичной (социокультурной) реальности складывается миф о патриоте, о герое-победителе не только врага, но и самой смерти («бессмертные» подвиги, вечная память о героях): «В День Победы <...> повсюду репродукторы выкрикивали стихи о *бессмертии* подвигов, духовые оркестры выдували маршевую музыку, ...тогда Нина Александровна переживала минуты полного женского счастья рядом с *героем...*» (курсив мой — Е. П.) [Славникова 2008: 34–35]. А реальность опровергает социокультурные симуляции: ветеранов год от года становится всё меньше, у оставшихся участников войны с течением времени исчезла подлинность воспоминаний, «...память о войне давно превратилась в символы» [Славникова 2008: 34], а в постсоветском времени ветераны превратились в объекты манипуляции, «мёртвые души». Не только Марина не задаётся вопросом, действительно ли хочет отчим пребывать в неизменяемом антураже «семидесятых» (и вообще — существовать), и прикрывает внеэтическое потребление «тела» отчима нравственной целью сохранения его жизни, подобное проявляется и в замыслах политиков, нуждающихся в «голосах» немощных стариков, и в отношении к ветеранам работницы собеса Клумбы, которая «...ведет себя, будто свихнувшийся Чичиков, скупающий мертвые души не ради заклада, а ради вечного владения сонмом мертвецов...» [Славникова 2008: 165].

В отношении Клумбы к старикам Марина усматривает аморальность: «...власть, даваемая суммарной немощью двух с половиной сотен избирателей, была побольше той, что мог бы обеспечить такой же численности вооруженный отряд. Вот только как быть с ненавистью к самому источнику своего морального обогащения...» [Славникова 2008: 165–166]. При этом провести параллель с собой, со своим замыслом поддержания жизни отчима, Марина не способна. Славникова же, сопоставляя позиции разных персонажей, прослеживает трансформацию аксиологических представлений от послевоенного времени к 1990-м годам: антропологическая ценность жизни сменяется ценностью комфортного существования, а когда исчезает и то, и другое — важной оказывается симулятивная реальность, иллюзорная борьба за «место под солнцем», деятельное приобщение к мнимому, но обещаемому будущему благополучию. Автор «Бессмертного» обнаруживает, что в процессе приобщения к социальным симуляциям и погружения в жизнь сознания исчезает доверие к эмпирической реальности, а нравственные императивы теряют свою категоричность, становятся относительными. Славникова раскрывает процесс взаимного «потребления» в массовом обществе. Масса, не удовлетворённая реальностью, готова быть обманутой, жаждет хотя бы иллюзий, сопричастности к коллективному мифотворчеству: толпа не просто оказывается жертвой «иллюзионистов», но сама участвует в поддержании социальных симуляций. Замещая нищее и серое существование иллюзиями, масса добровольно и с радостью становится «пищей» «призраков», «вампилов», жертвой «шарлатанов». В таком существовании исчезает, делается неактуальной проблема

поиска персонального смысла бытия, экзистенциального понимания жизни, как исчезает и ценность жизни как таковой. Борьба за выживание оказывается единственной целью, а социальный статус — мерилом достоинства человека: «...Марина влезла, как она не стеснялась объяснять домашним, в борьбу за место под солнцем, *какую должен вести каждый уважающий себя человек*» (курсив мой — Е. П.) [Славникова 2008: 19].

Через описание поведения толпы, находящейся в предвыборной лихорадке, Славникова вскрывает механизмы действия социальных симуляций на сознание. Массовая культура, представленная продукцией телевидения, политики, «иллюзионистов», предлагает забыть об антропологических (старение, болезнь) и онтологических (смерть) законах существования и поверить в возможность бессмертия, вечной молодости и рукотворного светлого будущего — неизменного мифа о рае, мотив которого отчётливо проявляется в описании Славниковой предвыборного «сумасшествия». Кульминационные сцены повести отражают картины «эпидемии оптимизма» в обществе: «...обыватели ... вдруг поддались иллюзии, что в их жизни тоже возможны машины и банковский счёт» [Славникова 2008: 138]; «Помимо духа скорой наживы, ... на территории ощущался и более сложный эмоциональный феномен, который можно было определить как внезапную веру граждан в бессмертие...» [Славникова 2008: 139]; «...казалось, будто мгновения теперь останавливаются по первому требованию...» [Славникова 2008: 139]; «Дунув и плюнув в шипящий ... микрофон, профессор глуховатым голосом сообщал присутствующим, что человеческий организм рассчитан на жизнь не меньше ста пятидесяти лет и что дальнейшие слова его ... произведут омолаживающее переживание энергии...» [Славникова 2008: 146].

По версии Славниковой, всеобщая жажда справедливости и светлого будущего, начало которого политиками предлагается увидеть в сегодняшнем дне, роднит Россию 1990-х годов с советской историей: несмотря на смену «декораций», механизмы мифопорождения и влияния социальных утопий на общество не изменились, как не исчезла потребность граждан мигрировать из неуютной нищей реальности в социокультурные симуляции.

По контрасту с обществом, готовым жить в мнимых мирах (своих иллюзий, сюжетов массовой культуры и т.д.), но только не в реальности, дан в повести образ ветерана Харитонова, который из существования на войне вынес иное отношение к реальной жизни и мифам о ней. В его образе подчёркивается «доподлинность», отсутствие интереса к мифологизированному антуражу социальных ритуалов, связанных с чтением героев войны, к любой «литературе», замещающей жизнь. Социальная мишура была неинтересна Харитонову до паралича (это дано в эпизодах воспоминаний празднования победы в Великой отечественной войне), он не теряет своей «доподлинности» в комнате «бессмертия», оборудованной падчерицей. Но сам ветеран оказывается необходимым объектом для построения иллюзии, в которой начинают существовать не он, а другие.

Славникова раскрывает закономерность: для создания симулятивного мира нужен *объект* реальности, хоть что-то настоящее, без связи с которым иллюзия не может существовать. В повести в качестве объектов выступают мужчины — вначале Харитонов, затем для Марины — и её сбежавший муж. В осмыслении этого аспекта проблемы автор также сопоставляет два масштаба — персональных и социокультурных иллюзий: на образе героя, настоящего человека¹, паразитирует не только конкретная семья, но и вся советская и постсоветская культура. Так Марина «догадалась», «что *не она, а отчим* какой-то непонятной силой держит около себя свой автономный маленький мирок, и эта сила... — вовсе не иллюзия» [Славникова 2008: 156]. Размышляя о том, как можно было бы восстановить для себя и мужа, оторванного от действительности, цепь исторических событий, Нина Александровна вдруг понимает, «что *Алексей Афанасьевич всегда был творцом и центром советской действительности, от которой умудрялся держаться подальше*; и ныне эта действительность, сжавшись до размеров жилой стандартной комнаты, сохраняла устойчивость, *поскольку столы её не исчез*, наоборот — оказался в ловушке...» (курсив мой — Е. П.) [Славникова 2008: 98–99].

Таким образом, семейный «миф» о бессмертии Харитонова отражает общекультурные представления о герое войны как о настоящем человеке, способном к жертве ради другого, к защите от опасности, к подвигу преодоления смерти. С другой стороны, у Харитоновых обнаруживаются индивидуальные причины мифологизации конкретного образа. Во-первых, здоровье и физическая (телесная) мощь пожилого мужчины, несмотря на увечья («движения его были таковы, что наблюдателю невольно думалось, сколько же весят по отдельности его обваренная загаром ручища, его хромота и его здоровая нога»), и феноменальное долголетие: «Доподлинность его, казалось, гарантировала бессмертие, при мысли о котором у Нины Александровны, бывшей моложе мужа ровно на четверть века, ... как-то ясно возникло представление о собственных похоронах...» [Славникова 2008: 8]. Во-вторых, отличие Харитонова от остальных ветеранов, состоящее в том, что он сохранил в себе полученную во время войны способность жить в реальности, без побега в культуру или мифы сознания²: «...Алексей Афанасьевич и не нуждался в капитализации чувств: осознавая себя целиком, он обладал не символами, а подлинниками вещей» [Славникова 2008: 247].

Харитонов отличен от остальных единством своего метального опыта с эмпирическим, так как первый у него вырастает из второго. Это и обусловило восприятие его окружающими как «доподлинно-

¹ Журнальный вариант «Бессмертного» имел подзаголовок «Повесть о настоящем человеке».

² Это отметила Ж. Галиева: «... в противоборство с <...> фикциями вступает сам “бессмертный” инвалид, <...>, — подлинный, настоящий, всей своей жизнью совершающий трудную метафизическую работу по аккумулярованию реальности. Откуда в нем <...> эта способность? Кажется, она досталась ему от единственной прорехи в советской фикции — Великой отечественной войны; от времени, когда смерть сотни раз смотрела бывалому разведчику в лицо, постоянно подтверждая для него реальность собственной жизни...» [Галиева 2009].

го» человека, живущего настоящим, а не прошлым или будущим, не в фиктивном, а в наличном мире «подлинников вещей», а не знаков: «...он никогда не скандалил, не пил, как пили другие ветераны, чья память о войне давно превратилась в символы. В отличие от них Алексей Афанасьевич все держал в уме — в полной сохранности, звено за звеном...» [Славникова 2008: 34]; «...все ветеранские торжества, где его война превращалась в общедоступные символы, были Алексею Афанасьевичу совершенно ни к чему... Алексей Афанасьевич одним своим наличием удостоверял себя, и этого было вполне достаточно» [Славникова 2008: 248]. Таким образом, и до помещения в искусственно сохраняемый интерьер эпохи «застоя» Харитонов, обладая способностью существовать в эмпирической реальности, не эмигрируя сознанием в симулятивное пространство культуры, воспринимал социальный театр как нечто внешнее, никак не относящееся к сущности жизни.

В годы войны и послевоенное время Харитонов был способен сам выбирать своё место в реальности, не ввязываясь в «борьбу» за какие-либо блага, но охраняя право на жизнь и уважение. Болезнь повлекла, во-первых, превращение его в объект заботы, во-вторых, исчезновение способности владеть собственным телом и предметами окружающего мира: «...Нину Александровну расстраивало, что муж <...> может овладеть *не реальными вещами*, а всего лишь *изображениями, подставными фигурками*, которые *внешний мир, оберегаясь от соприкосновения*, ему подсовывал» (курсив мой — Е. П.) [Славникова 2008: 48]. Соответственно, Харитонов оказался в неподлинном существовании не из-за Марининых симуляций (по сути, они ничем не отличаются от любых социальных условностей), а из-за того, что был не в силах занять позицию субъекта в своей жизни. Сюжетная линия Харитонova в повести раскрывает авторскую мысль: человеку гораздо сложнее, чем с фантомами, справиться с немощью собственного тела, отказывающегося подчиняться разуму (при этом со своим состоянием не может совладать не только ветеран: боль нарушает планы Нины Александровны; Марина не способна остановить надвигающееся «сумасшествие»).

Стремление Харитонova «сделать смерть собственноручно» (курсив Славниковой — Е. П.) проявляет и то, что человек зависим от предметов окружающего мира, без них не может распорядиться своей жизнью: «Теперь, глядя на Алексея Афанасьевича..., Нина Александровна до конца понимала, что искусственная смерть — убийство и самоубийство — заключается в вещах. Ничего нельзя поделать с собой без орудия труда» [Славникова 2008: 123]. Дело не только в ограничениях возможностей, связанных с параличом — опыты мужа провоцируют у Нины Александровны воспоминания о собственных неудачных, совершённых в молодости, попытках самоубийства.

В повести самовольный выход из жизни, чтобы прекратить жалкое существование, неосуществим. На контрасте цели Харитонova (выйти из жизни) и других персонажей (выжить, поддержать правдоподобность фикций) Славникова показывает, что че-

ловеку подвластны только представления о реальности (при этом ничего, кроме тривиальных образов «светлого будущего», райского бессмертия, каждый отдельно и общество в целом выдумать не может; иллюзии человека зависимы от обстоятельств, и сам создатель иллюзий становится заложником фиктивных, им же созданных миров). Гораздо труднее владеть своей жизнью, присваивать «подлинники вещей» — для этого нужно быть «настоящим» человеком (Харитоновым). Доступно для человека и приблизить другого к разгадке смерти, помочь другому выйти (или насильно вытолкнуть) из жизни: «...должно быть, полтора десятка человек, некогда убитых им, армейским разведчиком, <...> были из тех немногих, кто еще живьем приблизился к разгадке, что же такое смерть...» [Славникова 2008: 6]. Человеку легче стать субъектом судьбы другого, чем своей собственной. Поэтому настойчивые попытки Алексея Афанасьевича выйти из жизни оказываются, с точки зрения Славниковой, ещё большим подвигом, чем победа в войне: для совершения самоубийства нужно преодолеть не другого, а собственную антропологию и (как показывает опыт Нины Александровны) психику, перед силой которых воля человека оказывается слабой.

Славникова вскрывает парадокс: устремление к смерти посредством превозможения себя приводит к эффекту, обратному желаемому; тело, существующее по законам материи (разрушающееся, стареющее), укрепляется: «...ветеран, превратившийся в тело, ... вдруг объявил войну собственному бессмертию...», но «чем яростней были усилия ветерана повеситься..., тем активнее шло восстановление организма», «тонкая субстанция бессмертия <...> сделалась явственно сильнее...» [Славникова 2008: 178, 118].

В попытке ветерана самовольно выйти из жизни и возникают пересечения с «Повестью о настоящем человеке» Б. Полевого. И хотя устремления героев кардинально противоположны — выжить и умереть — по сути, они совпадают, так как вызваны стремлением преодолеть немощь тела силой духа, победить не только обстоятельства, но и самого себя (превзойти пределы человеческих возможностей). «Напыженное сопротивление» [Славникова 2008: 115], настойчивость Харитонova в борьбе за собственную смерть возвращает ему человеческое достоинство в глазах жены, заставляет увидеть в нём человека, живущего не только растительной жизнью: «Однажды Нина Александровна застала мужа с указательным, твердо нацеленным в потолок — и ...поняла, что для парализованного важна просто-напросто вертикаль — ... бывшая все-таки победой над бестелесностью лежачего тела, десятисантиметровой меркой его реального существования...» [Славникова 2008: 177].

Отношение Харитоновой к супругу, как и отношение Марины к мужу Сергею, раскрывают ещё одну закономерность взаимодействия реальности и вымысла в жизни человека: мифологизация реальности связана с компенсацией исчезновения, недостачи (потеря социальной стабильности привела к попытке построения иллюзии её продления «в отдельно взятой комнате», разрыв с мужчиной вызвал необходи-

мость поддерживать видимость его присутствия, осознание стремления мужа умереть породило страхи пустоты, утраты защиты, наступления неустроенного будущего и обесценивания прошлого). Славникова показывает компенсаторную функцию фиктивных миров, но равноценно заместить реальность вымысел не может. В истории с Мариной ещё раз подтверждается: человек способен создать на время фиктивный мир, но управлять ни реальностью, ни мнимостью ему не под силу. Даже фиктивный мир начинает существовать самостоятельно, независимо от замысла и воли их создателей, и разрушается из-за вторжения текучей изменчивой реальности («Жизнь грубо ворвалась», «внутреннее время разрушалось извне» [Славникова 2008: 103, 199]).

В целом, повесть представляет авторский взгляд на существование современного человека, добровольно избравшего симулятивное бытие, отодвинувшего от себя онтологию и антропологию, как в позитивном, так и негативном её проявлении (оценка физических удовольствий — еды, любовных отношений — как незначимых, случайных и игнорирование закона исчезновения).

В финале Харитонов умирает от сердечного приступа, а женщины оставляются автором на пороге нового существования — без его поддержки. В сюжетных линиях женских персонажей Славникова даёт индивидуальный путь погружения в иллюзии, а в судьбе центрального персонажа — коллизию утраты субъектности и жажды её обретения в акте завершения собственного существования.

ЛИТЕРАТУРА

Бавильский Д. (Курицын В.) Лучший текст этого лета: «Бессмертный» Ольги Славниковой (журнал «Октябрь», № 6) [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 15.08.2001. — Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2001-08-15/7_sand.html (дата обращения: 10.08.2013).

Данные об авторе

Елена Александровна Полева — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы, Томский государственный педагогический университет (Томск).

Адрес: 634041, г. Томск, ул. Киевская, 60.

E-mail: polevaea@sibmail.com.

About the author

Elena Alexandrovna Poleva is a Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk).

Бархудаев Г., Крючко Е. Фиктивный реализм // Знамя. — 2011. — № 7. — С. 175–189.

Беляков С. Натюрморт с камнем // Знамя. — 2006. — № 12. — С. 187–194.

Галиева Ж. Граница между небом и землей. Ольга Славникова [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. — 2009. — № 6. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/6/ga7.html> (дата обращения: 14.07.2013).

Кучерская М. Повесть о настоящем и ненастоящем // Новый мир. — 2005. — № 8. — С. 155–158.

Липневич В. Долгое прощание, или «О, Славникова!» // Дружба народов. — 2001. — № 10. — С. 166–169.

Ремизова М. Мнимые величины // Новый мир. — 2006. — № 9. — С. 168–174.

Славникова О. Бессмертный. — М.: Варгиус, 2008. — 272 с.

REFERENCES

Bavil'skij D. (Kuricyn V.) Luchshij tekst jetogo leta: «Bessmertnyj» Ol'gi Slavnikovoj (zhurnal «Oktjabr'», № 6) [Elektronnyj resurs] // Nezavisimaja gazeta. — 15.08.2001. — Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2001-08-15/7_sand.html (data obrashhenija: 10.08.2013).

Barhudaev G., Krjuchko E. Fiktivnyj realizm // Znamja. — 2011. — № 7. S. — 175–189.

Beljakov S. Natjurmort s kamnem // Znamja. — 2006. — № 12. — S. 187–194.

Galieva Zh. Granica mezhdu neбом i zemlej. Ol'ga Slavnikova [Elektronnyj resurs] // Voprosy literatury. — 2009. — № 6. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/6/ga7.html> (data obrashhenija: 14.07.2013).

Kucherskaja M. Povest' o nastojashhem i nenastojashhem // Novyjmir. — 2005. — № 8. — S. 155–158.

Lipnevich V. Dolgoe proshhanie, ili «O, Slavnikova!» // Druzhiba narodov. — 2001. — № 10. — S. 166–169.

Remizova M. Mnimye velichiny // Novyjmir. — 2006. — № 9. — S. 168–174.

Slavnikova O. Bessmertnyj: roman. — М.: Vargius, 2008. — 272 s.